

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Гилберт Честертон

Святой Франциск Ассизский

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(0)

Ч-51

Перевод с английского Наталии Трауберг

Честертон, Г.

Ч-51 Святой Франциск Ассизский / Г. Честертон; [пер. с англ. Н. Трауберг]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 156 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74842-6

Гилберта Честертона по праву признают классиком английского детектива. Но мало кто знает, что писал он не только о католическом священнике отце Брауне. Его лёгкому журналистскому перу принадлежат трактаты о христианстве, например, «Вечный человек» и исторические исследования о католических святых Фоме Аквинском и Франциске Ассизском.

Как говорил сам Честертон о святом Франциске: «Этого великого и поразительного человека можно рассматривать как историческое лицо и воплощение общественных добродетелей и как единственного в мире демократа». И совершенно точно заключение автора о том, что святой Франциск обогнал свой век и предвосхитил всё лучшее, либеральное, доброе, что только есть в современном мире.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(0)

BIC BGX

BISAC BIO018000

© Т8 RUGRAM, 2019

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019

ISBN 978-5-521-74842-6 © Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Гилберт Кийт Честертон

и его трактаты

Вероятно, почти все признают Честертона классиком английской литературы, хотя бы классиком детектива. Читают его много, знают — мало и потому все еще удивляются, что писал он не только о католическом священнике, отце Брауне, чье священство нередко воспринимается как условность, но и о католических святых, и о христианстве вообще. После этой книги, видимо, удивляться будет трудно — в ней собраны его трактаты, которые, надеюсь, говорят сами за себя. Пересказывать их не стану; и здесь лишь попытаюсь предостеречь от недоразумений, постоянно возникающих, когда речь идет о Честертоне.

Внешне и житейская, и литературная судьба Честертонна очень счастлива. Родился он в уютной и просвещенной семье 29 мая 1874 года, учился в одной из старейших и лучших школ, в 25—26 лет стал необычайно популярен, писал много, умер легко. Он был рассеянным и добрым, огромным и неуклюжим; его сравнивали с

Рождественским дедом. Когда ему было 34 года, он написал «Ортодоксию», книгу о правоверии — наверное, одну из самых радостных книг нашего века.

Можно тут же описать и «второй план» — в отрочестве, юности и ранней молодости он невыносимо страдал от духа времени, лишенного надежды, любви и веры, и от собственного душевного мрака; всю жизнь хворал; на пятом десятке стал смертельно терять популярность и к концу жизни был если не посмешищем, то одиноким пророком. Некоторые критики полагают, что ему лучше было бы умереть в 1914 году. Он тяжело и странно болел, долго был без сознания, и можно сказать, что эта болезнь разделила его жизнь надвое.

Ему было ровно 40 лет. Шоу написал тогда, что возраст этот — роковой для великих людей, чаще всего они умирают. Скорее, такой возраст — 37; но не в этом дело, все тут тайна. Честертон как будто и впрямь умер. До этого он был веселым любимцем англичан, почти все лучшее (из романов и рассказов) написал, всех непрестанно смешил и сам вроде бы непрестанно веселился. Он сочувствовал либералам, до 1909 года — очень активно. У него было только одно несчастье, незадолго до болезни: его младший брат Сесил, известный и смелый журналист, попытался обличить фирму Маркони, которая получала выгодные заказы, тайно ссужая высоких чиновников деньгами, и потерпел полную неудачу. Для старшего брата это было, быть может, еще большим ударом, чем для него.

Началась первая мировая война. Честертон тяжело заболел. Сесил ушел на фронт, потом погиб. Лет за шесть Гилберт Кийт не написал ничего, равного прежним его

эссе и рассказам; романов и трактатов вообще в это время не было. Позже, в 20-е годы, вышел новый сборник рассказов об отце Брауне и сборник о другом «сыщикелюбителе», Хорне Фишере. Герой его — очень грустный человек, совершенно разуверившийся в том, что политика, да и общественная жизнь, может быть мало-мальски честной.

Стал ли грустным Честертон? Одни пишут, что он стал мудрым, другие — что он стал жалким. Кто бы ни оказался прав (скорее всего и те, и эти), уже не он бросал вызов миру; мир от него отвернулся. Конечно, он оставался живым классиком или на худой конец чем-то вроде полуклассика. Веселил он меньше, меньше и веселился. Он радовался, но радость, особенно в его системе ценностей, ничуть не противопоставлена печали.

То, чему он радовался, уже никак не относилось к «веку сему» — ни к общественной жизни, ни к идеям, ни к проектам. Надежды он ничуть не потерял, но надеялся только на очень простые, частные вещи, связанные не с человечеством, а с человеком.

Третьим, самым важным планом его жизни была несокрушимая, благодарная радость. С той минуты, как юношеский мрак сменился постоянным ощущением чуда, он этой радости не терял и написал о ней перед смертью, в последней главе своей биографии (этой главой, такой важной для него, кончается и наш сборник).

Англия же в то время вступила в ту полосу всезнайства, все отрицания и вседозволенности, последствия которой мир еще и сейчас не расхлебал. На что ей был набожный Честертон, верящий в крестьянство, в природу, в семью, в мужество и целомудрие? Католики хвалили

его. Читатели же — не его любимые «common people» (простые, обычные люди), а, по его словам, «те, кто живет среди книг и трибун», — с некоторым презрением удивлялись ему.

Как говорил он сам, случилось так потому, что люди догадались — он пишет всерьез. Этого никогда не любят, а уж в 20-х годах XX века это было совсем не ко времени. Вызов, который он бросал миру, наконец поняли — и ответили удивленным пренебрежением. И тут вышла книга, которую считают лучшей апологией нашего столетия, — «Вечный человек».

Конечно, так считают католики, надеюсь — вообще христиане. Еще в 60-х годах, когда ее стали читать у нас, она удивляла «ненаучностью». Не будем спорить о том, так это или не так, — смысл ее вообще не в этом, — но ведь культ науки был и в 60-х годах, и в 30-х. Словом, ни этот трактат, ни другой, о Фоме Аквинском (1933), не изменили того отношения к Честертону, о котором мы только что говорили — скорее способствовали разочарованию.

Умер он сравнительно рано, всего шестидесяти двух лет, 14 июня 1936 года. Роналд Нокс, священник и критик, написал на его смерть несложный сонет. Приведу эти стихи, чтобы показать, каким был Честертон для своих искренних почитателей:

«Со мной он плакал», — Браунинг сказал,
«Со мной смеялся», — Диккенс подхватил,
«Со мною, — Блейк заметил, — он играл»,
«Со мной, — признался Чосер, — пиво пил»,
«Со мной, — воскликнул Коббет, — бунтовал»,

«Со мною, — Стивенсон проговорил, —
Он в сердце человеческом читал»,
«Со мною, — молвил Джонсон, — суд вершил».
А он, едва явившийся с земли,
У врат небесных терпеливо ждал,
Как ожидает истина сама,
Пока мудрейших двое не пришли.
«Он бедных возлюбил», — Франциск сказал,
«Он правде послужил», — сказал Фома¹.

Ключ к сонету прост — именно об этих людях у Честертона есть книги (о докторе Джонсоне — пьеса). Известней всего — книга о Диккенсе (1906). Книги о «двух мудрейших» читатель найдет в этом сборнике. Вторую из них ценили многие томисты XX века. Создан «Святой Фома Аквинский» незадолго до смерти, Честертону было трудно писать, он диктовал, и секретарь его Дороти Коллинз рассказывала, что он говорил ей: «Давайте-ка поделим Томми!» Книга очень неровная, но — как почти всегда у Честертона — некоторые абзацы, а порой и страницы с лихвой искупают ее недостатки. «Святой Франциск» ровнее, он написан (не надиктован) раньше, в 1923 году, вскоре после того как Честертон и формально стал католиком.

Когда Честертон умер и Нокс читал свой сонет вместо надгробного слова, пришла телеграмма из Ватикана, в которой человека, называвшего себя только журналистом, именовали «защитником веры». Вскоре Уолтер де ла Мэр написал еще одни стихи, для надгробия, и вся-

¹ Пер. А. Якобсона.

кий, кто приедет в Биконсфилд, увидит слова: «Рыцарь Святого Духа...»

Надеюсь, этому уже не удивятся — но возникает другое затруднение. Когда неизданные переводы его статей и книг стали ходить по рукам — а началось это в 1961 году, — читатели, знавшие понаслышке, что он проповедник и апологет, нередко удивлялись его непозволительной легкости. Одних христианских мыслителей читать трудно, других — нетрудно, но все же они посерьезней, чем какая-то «христианская журналистика». Легкость его вводила в соблазн, и многие склонны были, несмотря на объяснения, решить, что он все же эксцентрик ради эксцентрики, но — в отличие от любителей его детективных притч — не восхищались этим, а скорее недоумевали.

Всякому, кто собирается читать Честертона, полезно помнить, что так бывает с ним всегда. Он любил сюжеты, основанные на том, что кого-то просто не видят, чего-то не слышат. Именно это случилось с ним самим, в нем постоянно не замечают чего-нибудь; и этот очерк — только перечень слепых пятен. Тем, кого смутила его легкость, помочь нетрудно. Честертон легок, но не легковесен. Он не относился всерьез к себе, но всегда принимал всерьез свои мнения. Наверное, больше всего на свете он ненавидел гордыню. Собственно, незачем гадать: он абсолютно верен учению, согласно которому гордыня — грех грехов, и сам писал, что если бы ему дали прочитать одну-единственную проповедь, он говорил бы именно о гордыне. Гордыне он противопоставлял смех. Конечно, он знал, что есть смех гордый и жестокий, смех-глумление; но полагал, что бóльшая опасность в